

I

Две тысячи ушных раковин повернулись к пианисту Тёнриху Дорну, спокойно подвинчивавшему длинными белыми пальцами плетёнку стула-вертушки... Фалды фрака свисли с вертушки, а пальцы прыгнули к чёрному ящику рояля -- и мерным бегом по прямой мощённой костяным клавишам дороге. Сначала они направились, блестя полированными ногтями, от С большой октавы к крайним стеклисто-звонящим костяшкам дисканта. Там ждала чёрная доска -- край клавиатурной коробки: пальцам хотелось дальше, -- они чётко и дробно затопали по двум крайним костяшкам (глаза в зале здесь-там зажмурились: "какая трель"), -- и вдруг, круто повернувшись на острых, обутых в тонкую эпидерму кончиках, опрометью, прыгая друг через друга, бросились назад. У середины пути пальцы замедлили бег, раздумчиво выбирая то чёрные, то белые клавиши для тихого, но глубоко вдавленного в струны шага.

Две тысячи ушей подо двинулись к эстраде.

Знакомая нервная дрожь вошла в пальцы: став на втиснувшихся в струны молоточках, они вдруг, резким прыжком, перешвырнулись через двенадцать клавиш и стали на c-es-g-b [1].

Пауза.

И опять, сорвавшись с аккорда, пальцы стремительным пассажем неслись к краю клавиатуры. Правая рука пианиста тянула назад, к медиуму, но рассказавшиеся пальцы не хотели: в бешеном разбеге они мчались вперёд и вперёд: промелькнула стеклистыми звонами четвертная октава, пискнули добавочные костяшки дисканта, глухо стукнуло по ногтям чёрным выступом клавиатурной рамы: отчаянно рванувшись, пальцы выдернулись вместе с кистью из-под манжеты пианиста и прыгнули, сверкнув бриллиантом на мизинце, вниз. Вощёное дерево паркета больно ударило по суставам, но пальцы, не выронив темпа, вмиг поднялись на распрямившихся фалангах и, семена розовыми щитками ногтей, высоко подпрыгивая широким арпеджиообразным движением -- мизинец от безымянного, безымянный от среднего -- бросились к выходу из зала.

Тупой огромный нос чьего-то ботинка загородил было путь. Чья-то грязная подошва притиснула на мгновение мизинец к ковру. И пальцы, поджав прищемленный мизинец, юркнули под свесившийся до пола занавес. Но занавес тотчас же дёрнулся кверху, обнажая две чёрных расширяющихся кверху колонны: пальцы поняли -- это был подол платья одной из поклонниц Дорна. Круто повернувшись на безымянном, они отпрыгнули вбок.

Нельзя было медлить. Кругом уж возникал шёпот. Шёпот -- в говор, говор -- в гомон, гомон -- в крик, крик -- в рёв и топ тысячи ног.

-- Держи их, держи.

-- Что?

-- Где?!

Часть аудитории бросилась к пианисту: он, в глубоком обмороке, свис со стула; левая его рука упала на колено, пустая манжета правой ещё лежала на клавиатуре.

Но сбегавшим пальцам было не до Дорна: работая длинными фалангами, сгибая и разгибая суставы, они зачастили prestissimo по ковровой дорожке к уступам лестницы.

С воплем и визгами, тыча локтями в локти, люди очищали путь. Из залы ещё неслось: "Держи! Где? Что?" Но лестница осталась позади.

Одним мастерским прыжком пальцы перемахнули через порог и очутились на улице. Топы и гамы оборвались. Вокруг молчала, овитая в жёлтое ожерелье фонарных огней, ночная безлюдная площадь.

II

Холёные пальцы знаменитого пианиста Генриха Дорна, обычно гулявшие лишь по слоновой кости концертных роялей, не привыкли к хождению по мокрой и грязной панели.

Теперь, очутившись на липком и холодном асфальте площади, ступая по плевкам и жиже луж, пальцы сразу поняли всё безумие и экстравагантность своей выходки.

Но поздно. По порогу оставленного дома уже стучали подошвами и палками: